

УДК 1(091)(045)

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ И. КАНТА В КОНТЕКСТЕ МИНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены публикации второй половины XIX в., существовавшие в границах так называемого минского интеллектуального пространства и содержащие панораму рецепции идей И. Канта. Большое место отведено представителям религиозной мысли. Показано, что существуют разнообразные интерпретации, соответствовавшие времени и тем мировоззренческим установкам, которых придерживались авторы соответствующих публикаций.

Ключевые слова: И. Кант; «долгий XIX в.»; рецепция идей; минское интеллектуальное пространство.

RECEPTION OF I. KANT'S IDEAS IN THE CONTEXT OF MINSK INTELLECTUAL SPACE (SECOND HALF OF THE 19th CENTURY)

A. A. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The publications of the second half of the 19th century are presented, which existed within the boundaries of the so-called Minsk intellectual space and contain a general panorama of the reception of I. Kant's ideas. A large place is devoted to representatives of religious thought. It is shown that there are various interpretations that corresponded to the time and the ideological attitudes that the authors of the relevant publications adhered to.

Keywords: I. Kant; «the long 19th century»; reception of ideas; Minsk intellectual space.

Для осмысления рецепции идей И. Канта в ином культурном пространстве (в данном случае в географических границах современной Беларуси XIX в.) автор настоящей статьи предложил новый подход, ориентированный на взаимопередачу философско-мировоззренческого знания между культурами. При переносе любого объекта из одной культурной ситуации в другую он попадает в иной контекст и приобретает новое значение. По этой причине главной целью такого переноса становится не столько сравнение культурных пространств, сколько выявление следов

культурных взаимодействий. Речь идет о необходимости найти те места, где две или более культуры действительно соприкасаются и обретают новые смыслы. Культурный обмен идеями – это, помимо взаимопередачи идей, их реинтерпретация, переосмысление, переозначивание под воздействием других национальных идентичностей (культурных зон), что особенно важно для понимания процесса взаимовлияния, поскольку обмен есть двусторонний и творческий процесс. Автор настоящего исследования исходит из аксиомы, состоящей в том, что пере-

Образец цитирования:

Легчилин АА. Рецепция идей И. Канта в контексте минского интеллектуального пространства (вторая половина XIX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:12–19. EDN: OKOONH

For citation:

Liahchylin AA. Reception of I. Kant's ideas in the context of Minsk intellectual space (second half of the 19th century). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:12–19. Russian. EDN: OKOONH

Автор:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

водной (ретранслируемый) текст так же легитимен, как и оригинальный. Например, если подчеркивается и ставится вопрос о том, как идеи И. Канта влияли на мыслителей Беларуси XIX в., то уже задаются жесткие интерпретационные рамки, что в итоге верно, но одновременно односторонне. В данном случае просматривается только одна импликация, но не учитывается результат данного взаимодействия. Таким образом, в кантовской философии раскрывается не только его глубина ума и величие, но и тех мыслящих людей, которые следуют за ним. Кроме того, после раздела Речи Посполитой, в том числе после социально-политических событий, произошедших в Европе и России, исследователи по-новому взглянули на суть либеральных и консервативных идей в общественном развитии, на которые обращал внимание И. Кант.

Таким образом, главной идеей данной методологии стали равноправность и взаимовлияние идей, в том числе противоположных, в культуре. Если воспользоваться этой методологией применительно к «долгому XIX в.» в интеллектуальном пространстве Беларуси данного периода, то обнаруживается несколько отличных от сложившихся классических представлений о прошлом рассматриваемого культурного региона. Ниже обозначены наиболее важные социокультурные исторические сюжеты «долгого XIX в.», которые воздействовали на него, что в дальнейшем повлияло на интерпретацию идейного наследия И. Канта в культурном пространстве Беларуси XIX в.

В XIX в. после разделов Речи Посполитой образовалась новая культурная зона Российской империи с шестью губерниями (Минской, Гродненской, Могилёвской, Витебской, Виленской и Ковенской) под общим территориальным названием «Северо-Западный край», т. е. вся территория настоящей Беларуси оказалась в новом культурном пространстве. Произошли метисация (смешение) и имбрикация (наслоение) разных культур. Все эти процессы повлекли за собой аккультурацию – взаимовлияние культур, при котором оригинальные культурные модели вынуждены были измениться, но оставались идентичными. Семантическая (языковая) специфика также повлияла на интеллектуальное пространство в данной культурной зоне. В определенный период параллельно существовало несколько языков: латинский, польский, русский, еврейский (идиш, иврит) и белорусский.

В религиозном сознании, определявшем XIX в., также произошли радикальные изменения. Различные вероисповедания (католицизм, православие, протестантизм, иудаизм и ислам) были достаточно толерантными. Что касается рассматриваемого региона, то стоит отметить событие, связанное с ордене иезуитов – одним из представителей консервативного направления в Европе. Так, после роспуска общества Иисуса (ордена иезуитов) в Европе и пер-

вого раздела Речи Посполитой приверженцы этого направления оказались на территории Российской империи, в частности в Полоцке, под покровительством Екатерины II. Их деятельность в стенах Полоцкой иезуитской академии (1812–1820) сыграла важную роль в истории европейской неосхоластики.

Разворачивались значимые европейские социально-политические события «долгого XIX в.»: Великая французская революция, Отечественная война, Июльская революция, европейские революции 1848–1849 гг., первая русская революция, Первая мировая война. Следует также учитывать и региональные социально-политические события, которые произошли в границах территории современной Беларуси. Прежде всего это восстания 1794, 1830 и 1863 гг., следствием которых были значительные изменения в интеллектуальных процессах.

Стоит упомянуть и место социально-политических идей. В первую очередь среди них следует назвать либерально-демократические, которым противостояли консервативные в различных формах, и этнонациональные. Данные идеи образовали метафизический «ландшафт» XIX в. как конфликт разных нарративов, каждый из которых претендовал на обоснование соответствующих социально-политических идеологем, исходя из определенных философских предпочтений.

Немаловажную роль сыграли и так называемые субъекты и объекты культурного трансфера: книги, газеты, журналы, переводы, интерпретации, библиотеки, конкретные национальные персоналии и экспаты. Они детерминировали социокультурные смыслы рассматриваемого региона в контексте выбора той или иной философской персоналии.

Еще одной особенностью анализируемого феномена является стремление свести интеллектуальные взаимоотношения Беларуси XIX в. и России к сугубо двусторонним отношениям. В действительности же чаще всего мы имеем дело с гораздо более сложными конфигурациями. В культурном пространстве Беларуси XIX в. русская культура постоянно находилась в состоянии напряженного диалога с польской и западноевропейской культурами, что проявлялось в рецепции мышления белорусских философов. В данном культурном регионе она часто происходила при русском, польском и западноевропейском посредничестве. Например, если обратиться к библиотекам Беларуси XIX в., то можно найти востребованные философские произведения на разных языках (польском, русском, немецком, латинском и реже английском). Кроме того, культура этого региона была посредником между культурами Востока и Запада – России и Европы.

Не следует упускать из виду и принципиальный подход к самой идее прошлого. Речь идет о презентизме и антикваризме, исходя из которых ведется исследование. Как правило, в данном случае доминирует осмысление прошлого с позиций настоящего,

т. е. точка зрения презентизма. Однако это часто граничит с субъективизмом, так как за скобками оказывается подлинный процесс, в котором в силу тех же субъективных предпочтений остаются в тени актуальные для своего времени идеи и проблемы. Именно эти маленькие на первый взгляд детали отражают настоящий смысл бытия своего времени. Тем самым предстает более объективная картина прошлого.

Необходимо затронуть и институциональный аспект рассматриваемого региона. В первой половине XIX в. в границах Северо-Западного края было два высших учебных заведения, где профессионально преподавалась и изучалась философия: Виленский университет (1803–1832) и Полоцкая иезуитская академия. Объективной же особенностью второй половины XIX в. является отсутствие высших учебных заведений (после закрытия упомянутых учреждений), а следовательно, и научных исследований, в связи с чем основной упор делался на тексты общественно-политического, религиозно-мировоззренческого и художественного характера, в которых затрагивалась философская проблематика.

Таким образом, рассматриваемый интеллектуальный регион был пространством смешения различных культурных элементов и, соответственно, противоречивых оценок и смыслов действительности. В контексте описанных положений методологии в настоящей работе осмыслена рецепция идей И. Канта через творчество конкретных персоналий «долгого XIX в.», относящихся к истории социально-политической и философской мысли Беларуси данного периода. Обращено внимание на разные оценки, что дает возможность более полно представить сегмент восточноевропейской кантианы, т. е. понять место и роль идей И. Канта в восточноевропейской культуре.

Проблема рецепции немецкой философии, в частности идей И. Канта, в XIX в. в пределах современной территории Беларуси недостаточно изучена. В то же время она представляет собой интересное и оригинальное явление духовной жизни белорусского общества, для чего существовали все предпосылки. Известно, что И. Кант четыре с половиной года был подданным Российской империи под правлением императрицы Елизаветы Петровны [1]. Географическая близость Кёнигсберга¹ (родина И. Канта) и губерний Северо-Западного края предполагала наличие интеллектуальных контактов, в том числе философских. А если учесть, что в XIX в. идеи И. Канта распространились по всей Европе, то, естественно, они были предметом дискуссий и в данном регионе. Появились как восторженные его последователи, так и явные оппоненты. Самым главным в рецепции идей И. Канта мировой культурой стало «то великое влияние, которое Кант имел на философское дви-

жение своего времени». Оно «...быть может, более всего обусловлено беспримерной широтой его умственного горизонта и той уверенностью, с которой он умел со своей точки зрения надлежащим образом представлять как близкое, так и далекое. Нет ни одной проблемы новой философии, которой бы он не занимался, ни одной, на разрешение которой, даже если он лишь при случае коснулся ее, его ум не наложил бы своеобразного отпечатка» [2, с. 9].

В контексте отмеченных размышлений автор настоящей работы представил лишь тенденцию восприятия философских идей И. Канта в границах так называемого минского интеллектуального пространства Северо-Западного края Российской империи, нашедшую отражение в социально-философской литературе того времени. Детально эта проблема может быть рассмотрена в более объемном исследовании.

В конце 1840-х гг. наступила эпоха кризиса немецкого идеализма, в том числе кантовского критицизма. На авансцену философских изысканий в Европе выдвигались совершенно новые течения: позитивизм, материализм в различных формах, правое и левое гегельянство, идеал-реализм, а также различные доктрины либерализма, социализма и коммунизма. Однако во второй половине XIX в. после определенного спада в Европе интереса к философии И. Канта его идеи вновь становятся популярными. Как подмечал В. Виндельбанд, «...философское возрождение кантианства, красной нитью проходящее через всю вторую половину XIX века (особую силу оно обрело после появления произведшей большое впечатление книги О. Либмана “Кант и эпигоны”), представляет собой весьма пеструю картину, где снова повторяются со всеми оттенками те противоречивые истолкования, которым уже подверглось учение Канта тотчас после своего появления. Снова разгорелся спор между эмпирическим и рационалистическим воззрениями» [2, с. 430]. В это время кантовская философия конкурировала с получающими все большую популярность философскими направлениями эмпириокритицизма, марксизма, а также с религиозно-идеалистическими направлениями и др.

Как уже отмечено выше, во второй половине XIX в. произошли существенные социокультурные изменения, которые повлияли на философию. В России появилась либеральная интеллигенция, ее позиция касательно И. Канта стала более теплой, нашлись последователи и даже почитатели этого философа. Однако отношение к И. Канту со стороны православия в русской культуре было критическим. Здесь следует напомнить, что и в самой Пруссии после издания работы «Религия в пределах только разума» философ получил предупреждение от короля Фридриха Вильгельма II Прусского о том, что он «пользуется

¹В русской дореформенной орфографии (до 1918 г.) Кёнигсберг (нем. *Königsberg*) именовался как Королевец (пол. *Królewiec*, лит. *Karaliaučius*).

своей философией для искажения и унижения некоторых главных и основных учений Св. Писания и христианства»².

Русские православные религиозные мыслители и богословы также критиковали И. Канта за ограниченное понимание духовных реальностей. Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и Андрей Белый достаточно резко высказывались по поводу кантовских размышлений о религии и вере. П. А. Флоренский писал: «Нет системы более уклончиво-скользкой, более “лицемерной”, по апостолу Иакову, более “лукавой”, по слову Спасителя, нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли есть ни да ни нет. Вся она соткана из противоречий – не из антиномий, не из мужественных совместных “да” и “нет”, в остроте своей утверждаемых, а из загадочных улыбок и двусмысленных пролезаний между “да” и “нет”» [3, с. 103]. По их мнению, И. Кант в своей философии начинал не с Бога, а с познания и человека, т. е. делал христианство вторичным в отношении предпосылок собственной философии. Главными для него являлись ответы на вопросы: «Что я могу знать?»; «Что я должен делать?». Проблема религиозной веры при этом вовсе не устраняется, но она связана с предыдущими вопросами. Познать Бога в принципе невозможно, что вступает в явное противоречие с православным богословским мирозерцанием. Для И. Канта Бог, как предмет знания, есть вещь в себе, и ни одно из определений с философской точки зрения не способно его обосновать. В самом названии работы И. Канта «Религия в пределах только разума» уже заложен ответ.

После закрытия учебных учреждений философия писалась в таких ненаучных формах, как газеты, журналы, переводы, отдельные авторские книги, эссе и т. д.³ [4]. Минск не только оказался в центре социально-политических событий, но и превратился в важный культурный регион. Сюда проникали актуальные западноевропейские философские направления, которые интерпретировались по-своему. В обозначенный период Минск получил статус нового интеллектуального центра в Северо-Западном крае. Особый интерес представляет деятельность разнообразных культурно-просветительских обществ, в которых обсуждались философско-мировоззренческие проблемы: русского религиозного кружка, общества любителей изящных искусств и др.

Вошедшая в моду неокантианская философия имела различные формы. В 1895 г. в Полоцке была

опубликована одна из первых русскоязычных работ с обращением к И. Канту – труд А. П. Аргамакова⁴ [5]. В книге он полемизировал с зарубежными и российскими учеными и философами (Г. Тейхмюллером, Г. Гельмгольцом, Б. Риманом, А. И. Введенским, Б. Н. Чичериным, Н. И. Лобачевским) о проблемах сознания и познания. Рассуждения А. П. Аргамакова свидетельствуют о его широком кругозоре и показывают интеллектуальную атмосферу того времени. Ниже приведена небольшая подборка цитат, которая свидетельствует о его понимании идей И. Канта:

- «...вопреки завещанной нам Кантом гносеологической точке зрения, убеждающей нас в существовании обязательных форм мышления, не прибегая к помощи метафизики и психологическому исследованию хронологического происхождения идей, философская мысль стремится неизбежно проникнуть в законы сознания и отличия его от знания. Вследствие этого я полагаю вполне целесообразным заняться классификацией идей, связав их с хронологическим развитием психологических явлений» [5, с. 2];

- «...состояние познающее характеризуется формированием социального “Я”, которое предполагает идею бытия индивидуального и локализирует в себе основные из априорных понятий, названных Кантом категориями и обязательными основоположениями, или схемами чистого разума, а также и актами разумной воли. Основные понятия, названные Кантом трансцендентальными, объективируются в форму отвлеченных идей, определений, законов и принципов. Это объективирование может быть названо координацией. Тейхмюллер под координацией понимает механизм душевной деятельности, объективирующей три рода бытия: 1) бытие субстанциональное, принадлежащее моему “Я” как данное непосредственного сознания; 2) бытие реальное, проявляющееся в познании, чувствовании, воле и в движении, рассматриваемых как функции “Я”; 3) бытие идейное, составляющее содержание всех функций, т. е. понятия, представления, мотивы, принципы и прочее содержание бытия социального “Я”» [5, с. 5];

- «...Тейхмюллер становится в противоречие с Кантом, по которому пространство и время суть априорные чистые формы созерцания, а не содержание мыслящих субстанций, зависящее от психофизического состояния организма. Но так как Кант большинство аксиом и даже всю математику причисляет

²Соловьев Вл. Кант // Энцикл. слов. Брокгауз и Ефрон. Биография. Т. 5. М. : Большая Рос. энцикл., 1994. С. 556.

³Юрашкевич А. Д. Чтения в «Русском религиозном кружке» в г. Минске. 1-е чтение // Мин. епарх. вед. 1908. 15 мая. № 10. С. 262–282.

⁴А. П. Аргамаков (1842–1931) получил образование в Михайловской военной артиллерийской академии, был начальником Иркутской военно-фельдшерской школы, инспектором классов Полоцкого кадетского корпуса. Как педагог и организатор, он выделялся широтой своих интересов и стал одним из самых активных участников всероссийских и международных выставок конца XIX – начала XX в., а также автором ряда технических изобретений. Известны его публичные мировоззренческие лекции «Открытия и изобретения в роли социальных факторов», «Национальное развитие и международные отношения как факторы культурной среды» и др. В 1903 г. А. П. Аргамаков был уволен в запас в звании генерал-лейтенанта. Он оставался в СССР до середины 1920-х гг. в Главном управлении имперской безопасности. Расстрелян в 1931 г. в Одессе по делу «Весна».

к синтетическим априорным суждениям, то этим он, в свою очередь, становится в противоречие со многими математиками и философами, допускающими многообразие пространств и их свойств, что оказывает влияние на условность большинства математических истин. В этом случае Кант делает скачок и от времени, и от пространства как интуиций переносится к умозрительным пространствам, объективированным в нашем воображении при посредстве так называемой умозрительной проекции. Эти объективированные представления следует отнести к числу умозрительных понятий, которые необходимо отличать от апостериорных и эмпирических. Апостериорные понятия объективируются при посредстве зрительной проекции, получаемой на сетчатой оболочке глаза и совпадающей с внешним опытом. К эмпирическим понятиям могут быть отчасти отнесены понятия, названные Тейхмюллером “значковыми”, и вообще все те, которые объективируются при посредстве трансцендентальных понятий» [5, с. 14];

• «...ограничусь рассмотрением права Канта приписывать всем математическим истинам одинаковую степень общности. Анализ общности геометрических истин может быть оправдан двояким методом – во-первых, математическим и, во-вторых, метафизическим. Первый метод будет заключаться в указании условий согласия взглядов математиков, допускающих мыслимость многообразия пространств» [5, с. 15].

Востребованность философии И. Канта в рассматриваемом культурном регионе диктовалась и тем, что именно в конце XIX – начале XX в. философия активно популяризировалась интеллектуальными элитами Российской империи. Интерес к философии обусловил не только обширную разработку философской проблематики, но и стремление многих ученых обосновать свои выводы с помощью нее. На философское знание предъявлялся большой спрос, в свет вышло множество сочинений по философским наукам, особенно переводных. Вот как об этом времени писал православный богослов М. О. Вержболович⁵: «Посильную помощь в удовлетворении этой потребности ставит своей задачей “Избранная библиотека современных западных мыслителей”, выходящая в свет с 1896 года под девизом “В защиту идеалов разума”. Знакомая с современными направлениями

философской мысли, она имеет в виду помочь читателю критически разобраться в них при свете существенно принадлежащих духу идей, или, по терминологии Канта, идеалов разума: дать возможность читателю отстоять среди путаницы мнений свои идеальные убеждения и верования, а равно установить положительные и руководящие точки зрения на основные вопросы знания и жизни» [6, с. 455]. В работе [6] он представил краткий обзор новейшей переводной философской литературы с упоминанием роли И. Канта в русской культуре начала XIX в. М. О. Вержболович проанализировал книгу Э. М. Каро «Идеи Бога и бессмертия души пред судом новейших критиков», в которой критиковались взгляды И. Канта, и написал о том, что Э. М. Каро имел в виду «...опровергнуть современные отрицательные направления мысли, сложившиеся под влиянием главных философских направлений предыдущего времени, а именно философии Канта, Гегеля и эмпиризма Бэкона и Дарвина. Влияние Канта в новейшей философии сказалось в недоверии ко всякому убеждению, переступающему пределы опыта» [6, с. 461].

Несколько иной точки зрения относительно философии И. Канта придерживался православный богослов А. Д. Юрашкевич⁶. О вкладе И. Канта в доказательство существования Бога и в понимание соотношения философии и религии он написал следующее: «Я говорю, что бытие Божие трудно доказать, но в тоже время утверждаю, что для всякого, в том числе для меня, ясно, что Бог есть; а другой говорит, что бытие Бога нельзя доказать, а потому Бога и нет. Разберемся. “Истину бытия Божия нельзя доказать”, – говорят многие мудрые, немудрые и даже безумные. А вы спросите их о том, только ли бытия Божия нельзя доказать или, может быть, есть в числе недоказуемых и другие важные положения, все же признаваемые за истинные не только богословами, но и людьми науки? “Да”, – скажут люди откровенные, – “таких положений весьма много!” Например? Например, нельзя доказать, есть ли цвета, звуки в природе, или это только наши впечатления, т. е. наша способность воспринимать известные впечатления видимого мира под формою цветов, звуков, а что в природе этому соответствует, мы не знаем. Почему? Потому что так создан человек, что он не знает и не может знать сущности природы пред-

⁵М. О. Вержболович (1861–1911) родился в семье священника Борисовского уезда Минской губернии. Первоначальное образование получил в Минском духовном училище, затем учился в Минской духовной семинарии и Киевской духовной академии. В 1887 г. успешно окончил академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней в качестве профессора для изучения психологии. В августе 1889 г. переведен в Минскую духовную семинарию, а с 1895 г. работал в Московской духовной семинарии преподавателем философских наук и дидактики. Регулярно публиковался в изданиях «Минские епархиальные ведомости», «Вера и разум» и московских журналах. По случаю болезни вернулся в Минск, где и умер.

⁶А. Д. Юрашкевич (1854–1921) родился в Минской губернии, получил образование в Пинском духовном училище, Минской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии и стал кандидатом богословия. После окончания академии служил преподавателем русского и церковнославянского языков в Пинском духовном училище, был рукоположен в сан священника и определен в Петропавловский собор в Минске. В 1905–1908 гг. был ректором Минской духовной семинарии. Публиковался в изданиях «Минские епархиальные ведомости» и «Вера и разум». Читал лекции и проводил чтения на религиозно-нравственные темы в общественных местах Минска, избирался в Государственную думу.

метов, окружающих его и влияющих на его внешние чувства, а знает лишь свое собственное состояние, т. е. он, можно сказать, не видит и не слышит, что находится и происходит вокруг него, а видит и слышит, осязает лишь свои ощущения и впечатления, но не вещи и предметы в их сущности. Вещей самих в себе он не видит, и не знает, и не может знать. Такова теория, такое учение физики и психологии, учение общепризнанное и не подлежащее сомнению, но очень любопытное по тем выводам, какие можно сделать и какие делали. А делались из этого такие выводы, что если нельзя доказать, существуют ли в природе звуки, цвета и т. д., то... в сущности, нельзя доказать, что существует внешний мир. Именно трудно доказать. И это положение не глупое, не странное, а совершенно логичное... и существовала даже целая школа (Беркли), которая учила, что бытие внешнего мира доказать совершенно невозможно. В новейшее время эта философия (со времен Канта) окончательно приняла ту форму, что мы по свойству своих способностей и сил не можем знать сущности бытия, так как мы познаем не вещи, а лишь наши душевные состояния. Так говорят физика и философия. На деле все происходит гораздо проще: никто никогда не интересуется сущностью вещей, а свои впечатления принимает за сущность и имеет дело лишь с этими впечатлениями и довольствуется ими. По философии трудно доказать бытие внешнего мира, а в обыденной жизни сумасшедшим назвали бы того, кто сомневается в этом. По философии трудно доказать, что я рукою касаюсь этого стола; я совершенно уверен в этом, и никто меня не разубедит в противном. Вот образец того, какие в истории науки и философии существовали и существуют положения, касающиеся тех или иных построений логической мысли, дающей своеобразные и во многих отношениях странные... понятия по тому или иному вопросу, практически решаемому совершенно просто и ясно. Нечто подобное мы встречаем и в истории доказательств бытия Божия. Все, что выработала в этом отношении мысль человеческая, может логически оспариваться и подвергаться критике, но все же эта истина бесспорна и ясна для всякого разумного и доброго человека. Философы Кант существовавшие до него доказательства бытия Божия подверг жестокой критике, так что, по-видимому, от этой истины ничего не осталось и Канта, по-видимому, следует причислить к безбожникам. Но это ошибочное заключение: критикуя одни доказательства и ослабляя их логическую силу, Кант создал свое доказательство (нравственное) и счита-

ет его неотразимым, между тем как сила других доказательств, по его мнению, может быть оспариваема (перевод наш. – А. Л.)⁷.

Положительно воспринял идеи И. Канта религиозный мыслитель Н. М. Минский⁸. Помимо творчества этого философа, он рассматривал учения Платона, Аристотеля, Плотина, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Понимание философской мысли Н. М. Минским проходит через соприкосновение и расхождение его суждений с концептуальными идеями упомянутых философов. К ним относятся понятия «меон», «один», «ничто», «анамнез» и «любовь к судьбе».

Ниже приведено несколько фрагментов из творчества Н. М. Минского, которые дают представление о понимании кантовского мировоззрения в русской культуре начала XX в. Возможно, к таким выводам он склонялся в силу своих религиозно-идеалистических убеждений, а также в соответствии со своим концептом меонизма:

- «...великий Кант, подчинив нравственную деятельность категорическому императиву, безусловному требованию долга, в сущности выразил научным языком мысль профанов, проглядев центральную нравственную бездну, а именно то, что душе врожденны два категорических императива, влекущих его не только в разные, но в противоположные стороны, и решение этой тайны предоставил нам» [7, с. 36–37];

- «...поклоняются Богу не только потому, что без него нет истины, но и потому, что без него нет счастья. Эту последнюю сторону религии впервые прозрел Кант, хотя, подобно всем впервые прозревшим, впал в одностороннюю крайность и стал отрицать возможность познавать Бога истым разумом. В действительности же богопознание расцветает одновременно и самостоятельно и в разуме, и в чувстве; и если между обеими формами религиозности существует связь, то связь солидарности, а не причинности. Несмотря на свою односторонность, открытие Канта чрезвычайно важно, и вы никогда не поймете сущности религии в известную эпоху, если не будете знать, каков был в то время закон жизни, какая небесная помощь была нужна людям для их счастья и в чем заключалась их молитва» [7, с. 85];

- «...Аристотель понимал под категориями общие понятия, обнимающие весь опыт, и установил девять таких всеобщих сказуемых, не руководясь при их перечне никаким принципом или системой. Впрочем, он и не придавал им, кажется, никакого значения. Впервые всю важность категорий понял Кант. <...> Кант видит в категориях только рассудочные

⁷Юрашкевич А. Д. «Ясное в науке» и «неясное в религии» // Мин. епарх. вед. 1905. 15 сент. № 18. С. 339–348.

⁸Н. М. Минский (1856–1937) родился в еврейской семье (в 1882 г. принял православие) в местечке Глубокое Виленской губернии (ныне Витебская область). В 1875 г. он окончил Минскую мужскую гимназию, затем юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в качестве домашнего учителя находился в Италии и Франции. Но юриспруденция, в отличие от литературы и философии, не привлекала Н. М. Минского. Также он жил и публиковался в Санкт-Петербурге, Берлине, Лондоне и Париже. В Берлине в 1922 г. вышел последний сборник стихов под названием «От тьмы к свету». Н. М. Минский умер в Париже.

формы, объемлющие всякий опыт и делающие опыт возможным. Поэтому он принимает столько же категорий, сколько существует в логике общих суждений – четыре класса с тремя подразделениями в каждом. Но в самой логике число общих суждений открывается случайно, и мы не знаем, почему, кроме количественности, качественности, относительности и модальности, нет других общих рубрик суждений. Мы считаем четыре класса, потому что их не больше и не меньше» [7, с. 166];

• «...Кант первый из философов заметил, что категории не составляют части опыта, а нечто отдельное от него. Из того же, что категории не объективны, не конкретны, он заключает, что они врожденны мыслящему субъекту. <...> Категории в самом деле не составляют части опыта, но не только внешнего, а... и внутреннего. Наши понятия, суждения и управляющие ими логические законы – те же явления; они также немислимы вне категорий, как предметы и силы внешней природы. Таким образом, мы получаем новое определение категорий... это – общие внутреннему и внешнему опыту формы, делающие возможным слияние их между собою. Для разума категории определяются как всеобщие, необходимые понятия; для предметов – как всеобщие, необходимые признаки» [7, с. 167–168].

В завершение следует сказать о значимом событии – столетии со дня смерти И. Канта⁹, отмечавшемся во всем мире, в том числе в Минске. Ниже кратко описана предыстория данного события. В газете «Северо-Западный край», издававшейся в Минске, 12 февраля 1904 г. вышла большая статья «Учение Канта (к столетию со дня его кончины)». В конце нее стояла подпись «Зимнев» (возможно, он был ее переводчиком). Впоследствии выяснилось, что это был перевод статьи немецкого писателя К. Лассвица¹⁰ «Критическая мысль».

Взгляды К. Лассвица на пространство и время сформировались под влиянием И. Канта и Г. Фехнера. Ему принадлежит ряд популярных произведений о И. Канте: труды «Кант и Гёте», «Кант и Шиллер» и др. Он выпустил сборник сочинений И. Канта докритического периода «Кантовские Gesamtele Schriften». К. Лассвиц написал двухтомный труд по истории науки и философии «История атомизма от Средних веков до Ньютона», а также множество статей на философские темы. Как писатель-фантаст, он создал научно-фантастические романы «На двух

планетах» и «Лампа Аладдина», где тщательно продумана сатира на постулат И. Канта о том, что законы природы становятся реальностью только тогда, когда человек их открывает. В февральском номере берлинского журнала «Нация» была опубликована статья «Критическая мысль. К столетию со дня смерти Канта (12 февраля 1904 г.)», в конце которой стояла подпись «Kurd Laßwiß». К сожалению, до сих пор не установлено, как статья попала на страницы газеты «Северо-Западный край». Требуется и более адекватный перевод этой статьи, так как переводчик часто отклонялся от текста оригинала. Данная публикация является библиографической редкостью, она уникальна в контексте трансфера идей И. Канта в минском культурном регионе, так как подготовлена немецким кантианцем. На примере этой статьи можно увидеть, что позитивные философские идеи И. Канта нашли отражение в начале XX в. среди интеллектуалов Беларуси.

За пределами рассмотрения данной темы оказались другие соотечественники, творившие в изучаемый период. В частности, важную роль в популяризации философии И. Канта сыграли выпускники Минской губернской гимназии (юрист В. Д. Спасович, философы А. Марбург, М. Массониус, философ права Л. И. Петражицкий и веховец А. С. Ланде) и Минской духовной семинарии¹¹ (К. А. Говорский, И. И. Малышевский, П. Н. Жукович, В. З. Завитневич, К. В. Харлампович), внесшие значительный вклад в интеллектуальную атмосферу своего времени. Рассмотрение их творчества требует дополнительных изысканий.

Интерпретация и рецепция идей И. Канта в советской и постсоветской Беларуси XX–XXI вв. подробно проанализированы в публикации профессора Т. Г. Румянцевой [8], а также в монографии Т. Г. Румянцевой, А. А. Легчилина, А. Ю. Дудчика, А. И. Климович [9].

Таким образом, учитывая изложенные сюжеты постижения духа кантианства в нашей культуре, можно утверждать, что существуют разнообразные толкования, соответствовавшие времени и тем мировоззренческим установкам, которых придерживались авторы соответствующих публикаций. Следует сказать о специфическом аспекте восточноевропейской кантианы, что значительно расширяет ее представление, требующее дальнейших научных изысканий. Предложенная метафизика «ландшафта» восприятия кантовских идей в год 300-летия со дня его рождения также будет способствовать диалогу двух великих культур.

⁹В России было немного публикаций, посвященных столетию со дня смерти И. Канта. Прежде всего это университетские и академические публикации Андрея Белого «Критицизм и символизм: по поводу столетия со дня смерти Канта», В. Н. Ивановского «Памяти И. Канта: по поводу столетия со дня его кончины. Речь, сказанная в заседании Физико-математического общества при Имп. Казан. ун-те 13 марта 1904 г.», В. Г. Камбурова «К столетию со дня смерти Канта. Речь, произнесенная 2 мая 1904 г. в годовичном собрании Юридического общества при Имп. Томском университете», П. В. Тихомирова «К столетию смерти Канта (1804–1904). I. Личность Канта в изображении его современников», В. А. Фляксбергера «Философия Канта», Е. А. Боброва «К столетней годовщине смерти Иммануила Канта» и др.

¹⁰К. Лассвиц (1848–1910) изучал математику и физику в университетах Бреслау (ныне Вроцлав) и Берлина. В 1875 г. в Университете Фридриха Вильгельма защитил докторскую диссертацию по философии, преподавал математику, физику и философию.

¹¹Щеглов Г. Э. Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии : биограф. справ. Жировичи : Мин. духов. семинария, 2016. 194 с.

Библиографические ссылки

1. Круглов А. *Что Иммануил Кант думал о русских* [Интернет]. 2019 [процитировано 11 октября 2023 г.]. Доступно по: <https://kant-online.ru/chto-immanuel-kant-dumal-o-russkih/>.
2. Виндельбанд В. *От Канта до Ницше*. Введенский АИ, переводчик. Москва: Канон-пресс; 1998. 496 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
3. Флоренский ПА. *Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии)*. Игумен Андроник (Трубачев), составитель и редактор. Москва: Мысль; 2004. 685 с.
4. Симакова ОА. Минские культурно-просветительские общества и их роль в развитии русско-белорусских культурных связей в XIX – начале XX в. В: Белорусский государственный университет. *Российские и славянские исследования. Сборник научных статей. Выпуск 1*. Минск: БГУ; 2004. с. 149–156.
5. Аргамаков АП. *Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков*. Полоцк: [б. и.]; 1895. 27 с.
6. Вержболович МО. Философское самообразование при посредстве современной нам литературы. *Вера и разум*. 1900;10:451–472.
7. Минский НМ. *Религия будущего (философские разговоры)*. Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова; 1905. 302 с.
8. Румянцева ТГ. И. Кант и его наследие в советской и постсоветской философии. *Кантовский сборник*. 2021;40(3): 127–149. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Румянцева ТГ, Легчилин АА, Дудчик АЮ, Климович АИ. *Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения)*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2024. 212 с.

References

1. Kruglov A. *Chto Immanuel Kant dumal o russkikh* [What Immanuel Kant thought about the Russians] [Internet]. 2019 [cited 2023 October 11]. Available from: <https://kant-online.ru/chto-immanuel-kant-dumal-o-russkih/>. Russian.
2. Windelband W. *Ot Kanta do Nitsshe* [From Kant to Nietzsche]. Vvedenskii AI, translator. Moscow: Kanon-press; 1998. 496 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
3. Florenskii PA. *Sobranie sochinenii. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Collected works. Philosophy of cult (the experience of Orthodox anthropology)]. Iguмен Andronik (Trubachev), compiler and editor. Moscow: Mysl'; 2004. 685 p. Russian.
4. Simakova OA. [Minsk cultural and educational societies and their role in the development of Russian-Belarusian cultural relations in the 19th – early 20th centuries]. In: Belarusian State University. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya. Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 1* [Russian and Slavic studies. Collection of scientific articles. Issue 1]. Minsk: Belarusian State University; 2004. p. 149–156. Russian.
5. Argamakov AP. *Soznanie, samoocheidnye istiny i myslimye prostranstva po Kantu i po vozzreniyu sovremennykh filosofov i matematikov* [Consciousness, self-evident truths and conceivable spaces according to Kant and according to the views of modern philosophers and mathematicians]. Polack: [s. n.]; 1895. 27 p. Russian.
6. Verzhbolovich MO. [Philosophical self-education through contemporary literature]. *Vera i razum*. 1900;10:451–472. Russian.
7. Minskii NM. *Religiya budushchego (filosofskie razgovory)* [Religion of the future (philosophical conversations)]. Saint Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova; 1905. 302 p. Russian.
8. Rumyantseva TG. Kant and his heritage in Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods. *Kantian Journal*. 2021;40(3):127–149. Russian. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Rumyantseva TG, Liahchilin AA, Dudchik AYU, Klimovich AI. *Immanuel Kant i Belarus' (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Immanuel Kant and Belarus (on the 300th anniversary of his birth)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2024. 212 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.01.2024.
Received by editorial board 13.01.2024.